

ПОЗИЦИЯ

Совет ветеранов цеха эксплуатации ЖДТ ММК начал работу с 1970 года.

Его председателем на протяжении семи лет был А. И. Артамонов, его сменил А. Н. Грошев, затем А. М. Шатунова. Они многое изменили в работе ветеранской организации, которая с 80 пенсионеров выросла до 450. Сегодня и требования к совету ветеранов другие, и забот прибавилось: стали посещать больных на дому, поздравлять юбиляров...

С любовью и добротой

С чувством ответственности относятся к своим общественным обязанностям зам. председателя совета Эмилия Николаевна Назаренко, культуртрегер Алла Дмитриевна Волохина, Павла Владимировна Шемелева, Римма Федоровна Бобылева. Не считаясь со временем, в любую погоду едут они порой на другой конец города, чтобы проведать ветерана, откликнуться на боль и зов больных и одиноких, ходят в благотворительный фонд, чтобы решить какие-то вопросы. И что важно —

делают все с любовью и добротой. А пенсионеры отвечают благодарностью, звонят в совет цеха, чтобы сказать им спасибо.

Начальник цеха В. В. Петренко и председатель цехкома А. К. Пилинцов также всегда чутко реагируют на нужды ветеранов, стремятся поддержать малообеспеченных и нуждающихся. Без таких людей совету ветеранов не обойтись.

Т. ШВАЙГЕРТ,
председатель совета ветеранов цеха эксплуатации ЖДТ.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

На побывку едет молодой солдат

В январе 1948-го шел пятый год моей службы. Позади — война, учеба в Горьковской школе старшин-радиоспециалистов, служба в узле связи Генштаба Вооруженных Сил...

Был я, видно, не на плохом счету, вот и получил отпуск. Хотя с ними тогда было туго. Старшина Гена Холенков, друг по службе, дал свой чемодан, я взял билет до Бузулука и — в путь. Одет я был пошито: гимнастерочка, шинель, офицерские брюки, заправленные в хромовые сапоги. Хотелось на односельчан произвести впечатление.

В Бузулук прибыл утром. Холодно, на привокзальной площадке очередь — как оказалось, в город вместо автобуса ходит автомашина с будкой. В очереди сзади оказался молодой лейтенант. Он как-то пристально на меня поглядывал, затем спросил: «Куда едешь?» — «В Русско-Игнашкино». — «Здорово! Я тоже туда». — «А чей ты будешь? Лицо знакомое». Парень назвал свое имя — это был Шурка Смоляков. Учили мы в одном классе, но военное лихолетье сильно изменило нас. Разговорились. После войны он уже успел побывать дома, женился на местной учительнице. Словом, пути-дороги домой ему были известны.

Поселились в пустой «колхозной квартире». Ее хозяйин Шурку жал. Рассказал, что пурга задела все дороги, и в город пробиться из деревень, вряд ли кому удастся. Придется ждать, пока расчистят дорогу в район Грачевку, до которой было километров шестьдесят, да пятнадцать — до нашего села.

Наутро мы с Александром зашли в маленький подвальный ресторанчик, заказали графин водки, закуски. Пошли воспоминания. Мой товарищ ехал с границы западнее Берлина. Поведал о сложившейся там ситуации, о чем в то время много писалось в газетах. Наши союзники имели свободный въезд в Берлин — и по

железной дороге, и по автострадам. Они немало вывезли добра, говорят, и золотой запас нацистов в том числе. Наши решили перерезать пути, оставив только воздушный мост. Союзникам это не понравилось, и они выдвинули свои войска на границу с нашими. Назревал скандал: с обеих сторон были сосредоточены крупные силы с мощной техникой. Поступил приказ открывать огонь всей мощью, если с противоположной стороны последует хоть один выстрел. Союзники, оценив мощь Советской Армии, смирились с предложенными обстоятельствами.

Я тоже рассказал про свой боевой путь, про службу в Москве. В ресторанчике дым стоял корымислом, инвалид-фронтовик играл на гармошке и пел фронтовые песни... Зашел военный патруль, проверил документы. Мои с генштабовской печатью произвели на проверяющих впечатление: возвращаясь, они взяли под козырек. «С тобой, Михаил, вижу, не пропадешь!» — заметил Александр.

Я было забеспокоился, как бы в хромовых сапогах по пути домой ноги не поморозит. Мой друг успокоил: он дал своим телеграмму, чтобы встречали с валенками. На третий день на санях приехал дядька Александра. С ним — мой товарищ Вася Астафьев, который после отпуска возвращался в свою авиа часть в Харькове. Дядя рассказал, что получил телеграмму: «Встречайте с Валенькой», — дома долго ломали голову, с какой-то Валенькой возвращается Сашка, коли дома ждет жена. Вот так из-за ошибки телеграфистки мог произойти конфликт почтисче, чем с союзниками в Берлине. Посмеялись мы тогда, поговорили с Васей, проводили его на вокзал, немного посидели в вокзальном ресторане. Договорились писать друг другу. В «колхозной квартире», где мы ночевали еще одну ночь, дядя рассказал, как живут в колхозе: мало мужиков, хлеб не уродился, и на трудодни почти ничего не давали.

В пять утра выехали, облачившись в тулуп и валенки, которые захватил с собой предусмотрительный дядя. Худая лошадевка

до Грачевки еле дотащилась, а потом все чаще стала останавливаться. Мы спешили, а затем и вовсе принесли коняге, взявшись с двух сторон за оглобли.

До села добрались уже в полной темноте. Охватило неимоверное волнение — ведь прошло более четырех лет, как не был дома. Постучал в ставень. «Кто там?» — послышалось. «Сын ваш приехал!» В избе заохали, заволновались. Наконец, засветились окна. И вот я дома! Объятия, слезы... На стене увеличенная фотография погибшего на войне брата. Вспомнили его, поплакали. Мне сказали, что многие из сельчан не вернулись. Утром в избу набились соседи, родня устроила небольшое застолье. Из рассказов односельчан узнал: живут бедно, хлеба не хватает, скот кормить нечем. В войну продержались лишь тем, что сеяли на своих делянках пшеницу, просо.

Несмотря ни на что, молодость брала свое: позади война, жив, повиделся с родней. Что еще надо! Пошли с соседом Николаем на ферму. Надел я «москвичку» отца, шапку, хромовые сапоги. Николая представил меня проверяющим из района. Женщины и девушки водят по ферме, показывают телят, я расспрашиваю про рацион кормления, про удои, указал на грязь, поругал их. Строго напомнил об указаниях правил сельхоза по развитию сельского хозяйства. Николай либо молчит, либо поддакивает. Под конец, не выдержав, рассмеялся. Потом и женщины, признав меня, хохотали с нами.

Заканчивался мой недельный отпуск, я успел побывать у всей родни и у соседей. В последний вечер все собрались у нас и опять вспоминали тех, кто не вернулся с войны, стал калекой. А кто-то еще продолжал служить... Утром я возвращался в Москву.

М. ПЕТРОВ.

ВАШИ ПИСЬМА

Я более 30 лет выписываю «ММ». Довольна, что есть возможность пообщаться с родным для нас, пенсионеров, предприятим. Все бы хорошо, если бы вы не печатали пустых приглашений.

Прочитав в газете за 7 и 12 марта приглашение благотворительного фонда «Металлург» в свою аптеку за дешевыми лекарствами, мы из Ленинского района отправились на другой конец города. Подходя к аптеке, встретили на пороге пожилого мужчину, который возмущался: «Даже корвалол нет!» И впрямь: ничего из того, что

Зачем нас дурить?

мне было нужно, в продаже не было — корвалол, сустонита, циннаризин, виколина, уродана...

В рекламе указан номер телефона. Поинтересуйтесь от нашего имени, кто дает такие объявления?

Побывали мы по приглашению газеты и в магазине «Ветеран». Одно убожество: лежат «шлепки» по 37 рублей, а у цирка за эти деньги можно таких купить семь пар. Одна польза: лучше один раз увидеть, чтобы больше не попадаться на обман. А ведь объявления — для пожилых...

Из аптеки мы ушли не с пустыми руками — в качестве «сувенира» приобрели аскорбиновую кислоту.

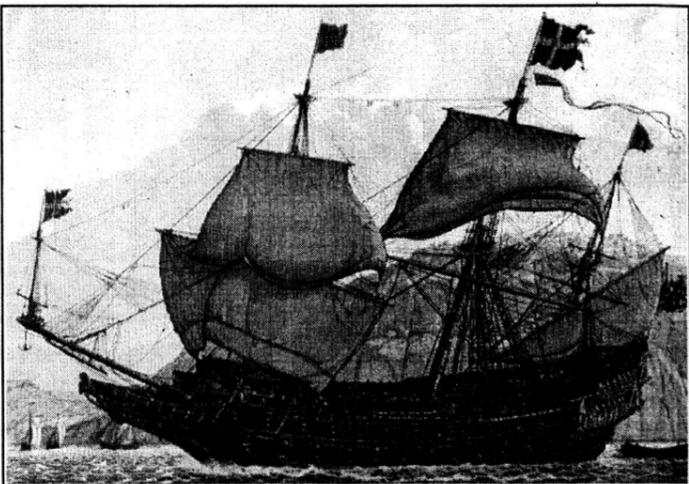
АГАПОВА, ЕФИМЕНКО.
15 марта.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По совету читательниц мы позвонили в социальную аптеку благотворительного фонда. Заведующая аптекой В. Байназарова сказала:

— Это какое-то недоразумение. Мы не давали в «Магнитогорский металл» рекламу, потому что у нас неделя назад и впрямь не было лекарств. Сейчас их завезли. Приносим извинения авторам письма и другим пенсионерам за беспокойство.

Газета со своей стороны напоминает: за достоверность рекламы и объявлений редакция ответственности не несет. Об этом мы сообщаем своим читателям в колонке с выходными данными каждого номера.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Старушка-путешественница

Можете ли вы с легкостью причислить себя к племени путешественников? Вряд ли многие ответят утвердительно.

Правда, десяток лет назад металлурги могли себе позволить провести отпуск на море, съездить в Болгарию или Чехословакию. Сегодня их путешествия ограничиваются Баньей или Абзаково. Былые удовольствия большинству теперь не по карману. Хотя, дело, наверное, не только в этом...

У 71-летней пенсионерки Марии Алексеевны Васильевой в кошельке денег, наверняка, не гуще нашего. Но не сидится старушке на месте, и все тут! Вся жизнь путешествовать: объездила все Подмосковье, окрестности Ленинграда знает как свои пять пальцев, была в Запорожье, на Рижском взморье, в Краснодоне, в Сухуми и Батуми, ездила по маршрутам Винница-Могилев, Киев-Беловежская Пуца, посетила Молдавию, «дикарем» ездила в Одессу, отдыхала в Курганской области, побывала и в Туапсе, но, как сказала, уехала быстро: «климат не подошел». Поднималась на известные Столбы в Красноярском крае, дважды отдыхала на Клязьменском водохранилище...

С чего началась эта страсть к путешествиям? Рассказ Марии Алексеевны — укор всем нам, молодым, полным сил, но погрязшим в повседневной суете и лени.

«Сама я из-под Ленинграда. Воспитывалась в детдоме, во время войны училась в ФЗО в Магнитке, потом работала на ММК сверловщицей на станке. Закончив курсы контролеров, 28 лет отработала на участке ОТК в механическом цехе.

Первый раз поехала на курорт в 24 года, с деревянным сундучком. С тех пор и заболела путешествиями: не могу сидеть на месте. Как с деньгами? Вся жизнь стараюсь экономить, чтобы куда-нибудь съездить. В кассе взаимопомощи профкома брала. А как ушла на пенсию, на лавочке у подъезда не просиживала — 13 лет отработала уборщицей в ПКО. Год туалеты мою, зато потом еду, куда хочу. Куда ни приеду, на месте не сижу: с утра везде все облажаю, всю красоту обсмотрю. Ходить, двигаться надо.

Путешествия мои без приключений не бывают. Да без них и неинтересно. Помнится, на лодках по Черноморскому озеру плыли, да в такую грозу попали, думали, не доберемся до берега. Ничего! Обсохли, и опять — солнце.

Была на турбазе «Енисей». Про Столбы слышали? Высоченные такие, а я иду, карабкаюсь. Зато обратно легко под уклон сбегать — красота! Кого только не встретила в тайге — зверек такой полосатенький, глазки смыленные — бурндук.

В Подмосковье — березки вокруг, воздух, ягоды... А вечером — танцы, конкурсы всякие, я всегда призы получала. Артисты московские приезжают. Весело! Столько впечатлений. Вот, к примеру, маршрут Киев-Беловежская Пуца: здесь каштаны, а в Пуце — Россия и Россия — настоящий русский лес. В Москве все музеи

обошла, на Ваганьковском кладбище, где Высоцкий лежит, бывала. Особенно мне нравилось на ВДНХ — ох и красиво!

Запомнился Краснодар, где памятники Олегу Кошевому и Ульяне Громовой стоят. А в Грузии фруктов каких только нет! В Одессу тоже «дикарем» ездила. А какой барачники нигде не выдала.

С путевками раньше проблем было — профком всякие предлагал. А то и сама еду, на месте путевку покупаю. Что и говорить: если бы профсоюз не оплачивал, вряд ли по силам было бы платить за все.

Только что вернулась из-за границы — была в Финляндии и Швеции. Столько впечатлений! Паспорт у меня теперь заграничный до 2001 года. Долго, правда, пришлось оформлять. Боялась, в посольстве не пропустят — по возрасту. До Москвы доехала, а там группа собралась, и на автобусе — до Финляндии. Комфортабельный такой, даже туалет есть. В Финляндии жили в отеле «Гаага». В номере тебе и шампунь, и мыло в пакетике, и полотенца всякие, телевизор, телефон. Нужно было гиду своему кое-что сообщить, так я прямо из номера звонила. Чистота везде, культурно. Постель, как в раю — красивая, мягкая. А питание! У нас был шведский стол. Знаете, что это? Можно кушать, что душе твоей угодно. Видели бы, как все нарезано: тоненько, аккуратно, как по телевизору показывают — ломтики аж светятся. Вкусно готовят.

Расскажу, как я в Швеции заблудилась. У нас был свободный день, и я хотела Королевский Дворец посмотреть. Как не посмотреть такую красоту? Гиды наши ушли по своим делам, а я направилась пешком к Дворцу. А по-английски-то я не бельме. Вроде все по дороге запомнила: вот здесь ремонт делают, здесь — магазин. Я еще береточку такую красивую там купила. И заблудилась. Темнеть уж стало, и полицейский рядом никого. Как быть? На остановке девушки стоят. Шведки-то все белесые, а одна, вижу, — чернявкая. К ней обращаюсь, а она не понимает. Тогда я стала показывать: Дворец, мол, там, рядом — гвардия с ружьями шагает: раз-два, раз-два. И давай перед ними маршировать. Они смеются, но поняли, показали, куда идти. Еле нашла потом свой автобус.

Стокгольм мне больше понравился, чем Хельсинки — больно уж там ветра дуют с моря. А в Стокгольме красота — не опишешь: рыночная площадь, Кафедральный Домский собор, памятник Яну Сибелиусу — это их композитор. В соборах на службе, как в кино показывают, все сидят, и орган играет. Там чудно так: в магазинах старушки со старичками за столиками кофе пьют, никуда не торопятся, улыбаются все. Была на экскурсии на большом таком корабле, который потом затонул. Сделали копию — теперь музей. Все мне так понравилось! Столько впечатлений!

Сейчас собираюсь в профилактику на Банное. Подлечусь и на будущий год опять поеду за границу. Мечта у меня давняя — в Прагу хочу. Зачем, спрашиваете, едешь все? Для кругозора...

Вот и отговаривайся после такой впечатляющей беседы нехваткой денег...

Выпуск подготовила Н. БАРИНОВА и М. ГОРШКОВ.